

Отзыв
официального оппонента
на диссертацию Наумова Олега Дмитриевича
"Становление метафизики Различия в дискурсах классической и
мистической традиций",
представленную на соискание ученой степени кандидата философских
наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания.

Каждая историческая эпоха формирует свой образ философии. Было бы нелепо отрицать тот факт, что современный образ философии в известной мере сложился и продолжает оформляться под воздействием идей постмодернизма. Свидетельством данного обстоятельства является заимствование и активное внедрение в философские тексты постмодернистской тематики и терминологии, стиля рассуждений, перенесение акцентов с традиционной онтологической и эпистемологической проблематики на текстологическую сферу, радикальное переосмысление назначения философии и ее роли в обществе и др.

Проблема, поднятая О.Д. Наумовым, вписывается в отчетливо выраженную, сложившуюся в последние десятилетия XX в., стратегию западноевропейской философской мысли, нацеленную на переосмысление исходных, базисных предпосылок философии, истоков ее формирования и на переоценку ее классического наследия. Следует согласиться с диссертантом в том, что "ряд существенных трансформаций мысли", произошедших в философии XX в., вновь поставил перед современным философским сообществом необходимость решения вопроса о ее самоидентификации (с. 15) – что она есть такое, в чем заключается ее существо и назначение. В этой связи, сформулированная в диссертации цель – анализ становления метафизики Различия в качестве метастратегии философского вопрошания о бытии – делает данное исследование актуальным и эвристически значимым, поскольку отсылает к продумыванию этих истоков и первоначал.

Положенный в основу исследования сформулированный Ж. Деррида концепт/принцип *differance* "дифферансе", диссертант представляет как своеобразную метафизику, в которой Различие выступает: "1) в метафилософском аспекте – неявное избыточное условие возможности философии вообще; 2) в онтологическом ракурсе – скрытое основание всякого наличного порядка, или, своеобразное не-/существующее архе..." (с. 30). Основная идея диссертации заключается в том, что Различие представляет собой универсальное онтологическое метаоснование всякой стратегии вопрошания о бытии. Хотя в концептуально-институциональном смысле метафизика Различия является достаточно поздним продуктом философии XX-XXI века, в качестве самостоятельной стратегии философского вопрошания о бытии оно (Различие) присутствует как в классическом, так и в мистическом дискурсах философствования (с. 113). В обосновании этой идеи собственно и заключается научная новизна представленной диссертации О.Д. Наумова.

В Первой главе "Экспликация оснований метафизику Различия в дискурсе классической философии" решается задача выявления оснований метафизику Различия в мыслительном строе классической философии посредством деконструкции последней. В результате, предлагается онтологическая модель метафизику Различия, позволяющая обосновать концепт Различия в качестве скрытого основания метафизику Тожества. В первом параграфе "Метафизика Тожества и метафизика Различия как способы вопрошания о бытии: метафилософский анализ" производится сравнительный анализ онтологических оснований метафизику Тожества и метафизику Различия в контексте деконструктивистского пересмотра классической стратегии исследования бытия. Следует отметить, что выводы, которые делает диссертант, опираются на глубокий содержательный анализ ставших уже классическими работ философов эпохи модерна и постмодерна (М. Хайдеггер, Ж. Делёз, Ф. Гваттари Ж.-Ф. Лиотар, М. Мамардашвили и др.). В параграфе изложена оригинальная авторская интерпретация

результатов постметафизической ревизии классической философской традиции в перспективе ее метафилософских оснований, что в полной мере подтверждает первый пункт Научной новизны.

Замечание к этому параграфу: на наш взгляд, не совсем корректно представлена хайдеггеровская оценка античной философии. А именно, на стр. 18 диссертант пишет: "... М. Хайдеггер в рамках своего проекта фундаментальной онтологии, ставя задачу ревизии классического наследия, указывает на то, что античная философия не только не нашла адекватного ответа на вопрос о бытии, но и в известной мере не смогла его поставить, так как для онтологии существует лишь один правильно поставленный вопрос: "Почему существует нечто, а не наоборот ничто", или, по-другому, "что делает сущее сущим (бытийствующим)". Данный вывод диссертант подкрепляет ссылкой на работу Гаспаряна Д.Э. Введение в неклассическую философию: РОССПЭН, 2011. – С.118. Мы предлагаем обратиться к самому М. Хайдеггеру. В интервью французским журналистам он замечает: "Во время своего исторического развития народы задают себе всегда очень много вопросов. Но только один вопрос: "Почему вообще есть сущее, а не, наоборот, ничто?" (Pourquoi y a-t-il de l'etant et non pas rien) – предрешил судьбу западного мира, и именно, начиная с ответов, которые давали досократовские философы две с половиной тысячи лет назад" ("Разговор на проселочной дороге". М., 1991, с. 147). Из этого следует, что античная философия не только ставила вопрос о бытии (почему вообще есть сущее, а не, наоборот, ничто?), но и давала определенный ответ на него.

Во втором параграфе "Жест – Забвение – Слово: стратегии вопрошания о бытии в архаическом мифе" анализируется специфика мифоархаической стратегии понимания бытия.

Несколько метафорический характер изложения этого параграфа соответствует и предмету рассуждения – мифу как "первичной попытки «вопрошания» о бытии". Опираясь на делезианскую концепцию ощущения, в рамках которой последнее рассматривается в качестве фундаментальной

онтологической процедуры, связывающей субъекта с воспринимаемым им объектом, диссертант делает вывод о Различии как сущностной черте архаического мифа, находящей свое выражение в динамике, парадоксальности, откровении бытия в виде дара и.т.д. Выявляя специфику архаической стратегии понимания бытия, диссертант отмечает такие характерные черты, как амбивалентность и асимметричность "мирообразующих начал" (с. 43), с чем нельзя не согласиться. Интересным и эвристически значимым является анализ мифологического мышления как своеобразного протописьма, характеризующегося пластичностью. Указанная особенность позволяет обосновать тезис о возможности деконструкции, или иначе, конституирования "нового" посредством забвения "старого" (с. 46).

Не оспаривая вывод диссертанта о том, что архаический миф первичен в отношении западноевропейской культуры вообще и философии, мы с осторожностью принимаем тезис о том, что полагание мифа в качестве точки отсчета последующего процесса культурогенеза хронологически совпадает с процессом трансформации архаического Мифа в античный Логос (с. 32) и что "архаическая мифо-/онтология представляет собой своего рода пред-/концептуальный пролог к философии" (с. 47). В вопросе о генезисе античной философии мы разделяем точку зрения Э. Гуссерля, согласно которой философия, или иначе, теоретическая установка возникает не из мифологии, не как ее трансформация или продолжение, а наоборот, как антитеза мифопрактической установке в целом ("Кризис европейского человечества и философия"). Это, однако, не отменяет право автора на собственное видение проблемы и, соответственно, ее решение, что отражено в пункте 2 Научной новизны.

В третьем параграфе "Казус Платона: онтология как оноματοлогия" при помощи метода деконструкции предлагается интерпретация платоновской онтологии в качестве оноματοлогии, эксплицирующей ее лингвистические основания. Эвристическая значимость исследования философии Платона под таким углом зрения не вызывает сомнения.

Осуществленный диссертантом глубокий содержательный анализ платоновской концепции имени, посредством которого гетерогенное бытие оформляется в Единое, демонстрирует несомненную оригинальность и самостоятельность авторской позиции. Тезис М. Фуко о децентрированной гетерогенности бытия, подхваченный диссертантом, подкрепляется ономастологическим анализом, в котором делается акцент на функции "различения" имени: между вещами, между уровнями бытия, между миром идей и вещей, между различными степенями истинности и правдоподобности т.д.. Это позволяет автору умозаключить, что в основе бытия лежит имя (с. 11), а ономастология бытия может быть истолкована как функционирование принципа Различия (с. 8). Нам кажется, что "различительная" функция имени возможна именно потому, что имя прежде фиксирует и обозначает нечто наличное, присутствующее, ставшее. Поэтому, рискнем предположить, что ономастология Платона, в равной мере подтверждает как метафизику Тождества, так и скрытую в ней метафизику Различия. Высказанное замечание ни в коей мере не отменяет оригинальность предложенного диссертантом подхода к исследованию онтологии Платона, что в полной мере соответствует пункту 3 Научной новизны.

Вторая глава "Концептуализация истоков метафизики Различия в дискурсе мистицизма" посвящена выявлению оснований метафизики Различия в мистическом дискурсе на основе восточно-христианской традиции. В первом параграфе "Антропологические основания богословско-мистического поворота в именовании бытия", опираясь на метод моделирования, осуществляется концептуальный анализ ономастологических оснований онтологической модели восточно-христианского мистицизма. В параграфе проводится сравнительный анализ западного и восточного мистицизма и на основе обнаруженных различий устанавливается статус концепта "субъект" посредством анализа паламистского концепта "синергия". Опираясь на тщательную и обстоятельную проработку

первоисточников – писания отцов церкви, а также труды представителей позднеантичной философии – диссертант показывает, что в православной модели антропо-онтологии преодолевается присущее классической западноевропейской философии одностороннее понимание человеческого бытия, и положение субъекта описывается амбивалентно: центральное, и в тоже время – периферийное, благодаря неустойчивым, текучим, изменчивым и пластичным следам. По мнению диссертанта, это становится возможным благодаря интерпретации принципа различия, трактуемого в качестве "разлучения" сущности и благодати, имеющих свое основание в самом существе непознаваемого Бога (с. 82). В итоге делается вывод о том, что "мистический опыт субъекта – недоступная для классической философии специфическая форма динамического самосознания, движущегося в направлении самоутраты, тождественной выходу в пространство божественного изначального бытия, подразумевающего абсолютную невозможность субъекта что-либо мочь" (с. 99). Не имея возражений против данного вывода, мы с некоторым сомнением воспринимаем следующее утверждение диссертанта: в основе мистической модели лежат следующие принципы – "...2) стремление к разуму и рациональности как цели; 3) интерпретация истинного знания как знания субъекта о самом себе как о центре бытия, конституирующим и познающим последнее" (с. 98). Нам кажется, что данные принципы в большей степени характеризуют рационалистическую философскую мысль, чем мистический опыт. Указанное замечание, вместе с тем, не отменяет научной значимости проведенного в параграфе исследования, считаем, что пункт 4 Научной новизны, а именно, – "мистический дискурс является взаимодополнительной стратегией исследования бытия..." – является в достаточной мере обоснованным.

Во втором параграфе "Мистический поворот в философии раннего модерна: критика классической онтологии Тождества" посредством

заявленных методов исследования предпринята попытка экспликации метафизических оснований мистического опыта в философии модерна.

С точки зрения диссертанта, символом культурной ситуации раннего модерна является творчество Ф. Кафки, в котором история мыслится в качестве трагической мистерии посредством "беспощадной, сокрушительной критики мифа" (с.101). Можно согласиться с тезисом о том, что развитие философского знания первой половины XX в. может быть представлено посредством своеобразного возвращения к непроясненным и потому забытым истокам (с. 104). Однако, на наш взгляд, довольно спорным выглядит утверждение о том, что "лейтмотивом неклассической стратегии исследования бытия становится идея эмансипации ... сокрытых в глубинах архитектоники классической мысли начал: различия и желания" (с. 105). Ссылаясь на исследования Ж. Батая, диссертант заключает, что "эротизм – это трансцендентальный способ обнаружения, фиксации и репрезентации изначального различия, или, говоря другими словами, способ его объективации,... а аналитика наслаждения – это ключ к пониманию фундаментальной онтологии желания, репрезентация которой невозможно силами одного только разума, нуждающегося в обнаружении своего иного" (с. 106). Давая оценку данного параграфа, следует сказать, что, в принципе, мы считаем вполне возможной подобную интерпретацию метафизических оснований мистического опыта бытия. Наше возражение заключается в том, что, рассматривая и аттестуя философию эпохи модерна, диссертант распространяет характеристику "одного из векторов" современной философской мысли на философию XX ст. в целом и не предоставляет право голоса иным авторитетным философским концепциям данной эпохи, в которых тема возобновления разговора о первоистоках бытия и философии звучит весьма определенно: феноменологии, экзистенциализму, философии жизни, онтологии М. Хайдеггера и др.

Тем не менее, обращение диссертанта к такой стратегии философской мысли, в которой продумываются исходные основания бытия и дискурса о

нем таким образом, что "привычное для классической метафизики Тождества жесткое репрессивное подчинение одного начала другому ... сменяется "мягким" дуализмом гетерогенного ... Тождества и Различия" (с.112), на наш взгляд заслуживает признания и всяческого одобрения, ибо отсылает к главному и существенному в философии – продумыванию первых причин и конечных оснований всякого бытия, в том числе и человеческого существования.

В целом, диссертация О.Д. Наумова "Становление метафизики Различия в дискурсах классической и мистической традиций" отличается ясным представлением о существе исследуемой проблемы, четкой исследовательской стратегией, заключающейся в последовательной экспликации защищаемых тезисов, значимых обоснованных выводов, содержащих нестандартные для выбранной темы решения. Немаловажной особенностью работы является широкий охват вопросов, затрагивающий области онтологии и теории познания, истории философии, философской антропологии, что также аттестует работу в положительном ключе.

Тем не менее, имеются замечания, кроме тех, которые уже были сформулированы выше:

1). Можно согласиться с тезисом диссертанта о том, что различие "представляет собой бессвязное, несказанное, молчаливо утаенное начало, делающее возможным ... всякое наличное начало (с. 31), но является спорным утверждение о том, что "различие представляет собой ... скрытое основание всякого наличного порядка (с. 30). Полагаем, что порядок "обеспечивается" или обосновывается другими факторами: тождеством, повторяемостью, преемственностью и проч.

2). На с.103 диссертант пишет: " На наш взгляд, в качестве объяснения столь радикальной трансформации философского знания периода раннего модерна могут быть названы следующие причины: "... 3) возрождение авторитета религии и веры в начале XX века, вызванное: а) феноменологическим поворотом в развитии философского знания".

Возникает вопрос: какая связь между феноменологией и мистицизмом, т.е., возрождением авторитета религии и веры? Феноменология – это исключительно рационалистический проект, поэтому причинно-следственная или иная связь между указанными явлениями нуждается в прояснении.

3). Автор рассматривает эволюцию философской мысли в XX в. исключительно под углом зрения философии постмодерна. Говоря о философии раннего модерна, диссертант ссылается преимущественно на работы представителей позднего модерна (Ю. Кристева, Ж. Делез, Ж. Батай и др.). Аттестация раннего с позиций позднего правомерна, но необходимо подтверждение представленной характеристики раннего модерна отсылками к авторским работам этого периода.

Высказанные замечания, при всем том, не снижают высокой оценки диссертационного исследования О.Д. Наумова. Следует констатировать методологически выверенный характер концепции диссертации, глубину анализа философских текстов, выступающих теоретическим фундаментом исследования, соответствие структуры работы поставленным целям и задачам, несомненную новизну выдвинутых пунктов. Ключевые выводы диссертации опираются на фундаментальные и авторитетные работы классической и неклассической литературы, что является подтверждением достоверности и обоснованности выводов.

Автореферат по своему содержанию и структуре соответствует диссертационному тексту. Публикации автора по теме диссертации адекватно отражают основные выводы и теоретические положения исследования. Материалы диссертационного исследования О.Д. Наумова могут служить в качестве теоретической основы для исследований фундаментальных вопросов онтологии, философской антропологии, истории философии и др. Таким образом, диссертация О.Д. Наумова "Становление метафизики Различия в дискурсах классической и мистической традиций" является научно-квалификационной работой,

соответствующей требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, изложенным в пункте 9 "Положения о присуждении ученых степеней", утвержденного Правительством РФ от 24.09.2013 № 842. Автор диссертационного исследования Наумов Олег Дмитриевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (философские науки).

ФГБОУ ВО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
социально-гуманитарного факультета

Черняк Наталья Алексеевна

ФГБОУ ВО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»

644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55

Тел. +7(3812) 31-18-33

e-mail: chernjaknat@rambler.ru

проф. Сергеев Влад.
Ученый секретарь Ученого совета
факультета проф. Л.И.Ковалевская

23.11.17